Мне понравился этот вечер", - сказала Рейн-Мари, опускаясь на прохладные, хрустящие простыни рядом с мужем.

Мне тоже". Он снял свои полумесячные очки для чтения и положил книгу на кровать. Вечер был теплым. В их крошечной задней комнате было только одно окно, выходящее в огород, поэтому сквозняка не было, но окно было открыто, и легкие хлопковые занавески слегка развевались. Лампы на прикроватных тумбочках давали свет, а все остальное было погружено в темноту. В комнате пахло деревом от бревенчатых стен и сосной из леса, а также легким ароматом травяного сада внизу.

Через два дня будет наша годовщина", - сказала Рейн-Мари. Первое июля. Представляете, тридцать пять лет вместе. Неужели мы были так молоды?

'Я была. И невинным".

Бедный мальчик. Я напугал тебя?

Может, чуть-чуть. Но теперь я это пережила".

Рейн-Мари откинулась на подушку. Не могу сказать, что я с нетерпением жду завтрашней встречи с пропавшими Финни.

Спот и Клэр. Спот - это, наверное, прозвище".

'Будем надеяться.'

Взяв в руки книгу, он попытался сосредоточиться, но его глаза становились тяжелыми, мерцали, когда он напрягался, чтобы держать их открытыми. Он отказался от борьбы, понимая, что не может победить и не нуждается в этом. Поцеловав Рейн-Мари, он зарылся в подушку и заснул под хор существ снаружи и запах своей жены рядом с ним.

Пьер Патенод стоял у двери в кухню. Здесь царили чистота и порядок, все было на своих местах. Бокалы выстроились в ряд, столовое серебро в рукавах, костяной фарфор аккуратно сложен, между каждой тарелкой - тонкая салфетка. Он научился этому у своей матери. Она учила его, что порядок - это свобода. Жить в хаосе - значит жить в тюрьме. Порядок освобождал разум для других вещей.

От отца он научился лидерству. В редкие свободные от занятий дни ему разрешалось ходить в офис. Он сидел на коленях у отца, вдыхая запах одеколона и табака, пока отец делал телефонные звонки. Даже будучи ребенком, Пьер знал, что за ним ухаживают. Его подстригают, придают ему форму, полируют и обжигают.

Разочаруется ли в нем отец? Быть просто метрдотелем? Но он не думал об этом. Его отец хотел

для него только одного. Быть счастливым. Он погасил свет и прошел через пустую столовую в сад, чтобы еще раз взглянуть на мраморный куб.

Мариана разворачивала на себе вуаль за вуалью, напевая. Время от времени она поглядывала на односпальную кровать рядом со своей. Бин либо спала, либо притворялась, что спит.

Бин?" - прошептала она. Бин, поцелуй маму на ночь".

Ребенок молчал. Хотя в самой комнате тишины не было. Часы заполняли почти каждую поверхность. Тикающие часы и цифровые часы, электрические часы и заводные. Все они были настроены на семь утра. Все они двигались к этому времени, как и каждое утро в течение нескольких месяцев. Казалось, их было больше, чем когда-либо.

Мариана подумала, не зашло ли это слишком далеко. Должна ли она что-то предпринять. Конечно, для десятилетнего ребенка это ненормально? То, что год назад началось с одного будильника, расцвело и распространилось, как назойливый сорняк, пока комната Бина дома не захлебнулась ими. Беспорядки каждое утро были просто невероятными. Из собственной спальни она слышала, как ее странный ребенок отщелкивает их все, пока не смолкнет последний звон будильника.

Конечно, это было ненормально?

Но тогда многое в Бине было ненормальным. Вызвать психолога сейчас - ну, это было похоже на попытку обогнать приливную волну странностей, подумала Марьяна. Она сняла руку Бин с книги и улыбнулась, положив ее на пол. В детстве это была ее любимая книга, и ей было интересно, какая история понравилась Бину больше всего. Улисс? Пандора? Геркулес?

Наклонившись, чтобы поцеловать Бина, Марьяна заметила люстру и старый электрический провод. Мысленно она увидела, как искра блестящей дугой перескочила на постельное белье, сначала тлеющее, а потом вспыхнувшее, когда они спали.

Она отступила назад, закрыла глаза и поставила невидимую стену вокруг Бина.

Вот так, в безопасности.

Она выключила свет и легла в кровать, ее тело было липким и дряблым. Чем ближе она подходила к матери, тем тяжелее становилось ее тело, как будто у матери была своя собственная атмосфера и гравитация. Завтра Спот прибудет, и все начнется. И закончится.

Она попыталась устроиться поудобнее, но ночь была близка, и одеяла сбились и прилипли к ней. Она отпихнула их. Но на самом деле между ней и сном стояла не вонючая жара, не храпящий ребенок, не прилипшее постельное белье.

Это был банан.

Почему они всегда донимали ее? И почему в сорок семь лет ей все еще не все равно?

Она перевернулась, пытаясь найти прохладное место на влажной подстилке.

Банан. И она снова услышала их смех. И увидела их насмешливые взгляды.

Оставь это, умоляла она себя. Она закрыла глаза и постаралась не обращать внимания на банан и часы, тикающие в ее голове.

Джулия Мартин сидела у туалетного столика и снимала единственную нитку жемчуга. Простая, элегантная, подаренная отцом на восемнадцатилетие. Леди всегда сдержанна, Джулия, - сказал он. Леди никогда не выставляет себя напоказ. Она всегда располагает других к себе. Запомни это".

И она запомнила. Как только он это сказал, она поняла, что это правда. И все, что она делала, спотыкаясь и неуклюже, все неуверенность и одиночество ее подростковых лет, отступили. Перед ней простирался чистый путь. Узкий, да, но чистый. Облегчение, которое она почувствовала, было абсолютным. У нее была цель, направление. Она знала, кто она и что должна делать. Успокоить других.

Раздеваясь, она прокручивала в голове события дня, составляя список всех людей, которых она могла обидеть, всех, кто мог невзлюбить ее из-за ее слов, интонации, манеры поведения. И она подумала о милом французе и их разговоре в саду. Он видел, как она курила. Что он должен думать о ней? А потом она флиртовала с молодым официантом и приняла напиток. Пьет, курит, флиртует.

Боже, он, должно быть, считает ее поверхностной и слабой.

Завтра она будет вести себя лучше.

Она намотала нить жемчуга, как молодая змея, на мягкое голубое бархатное ложе, затем сняла серьги, жалея, что не может снять и уши. Но она знала, что уже слишком поздно.

Элеонора поднялась. Почему они это сделали? После стольких лет, когда она старалась быть милой, зачем снова вспоминать о розе?

Оставь это, умоляла она себя, это не имеет значения. Это была шутка. Вот и все.

Но слова уже свернулись внутри нее и никак не хотели уходить.

По соседству, в номере "Озеро", Сандра стояла на балконе в окружении диких звезд и размышляла, как им занять лучший столик на завтрак. Она устала от того, что ее обслуживают последней, что ей всегда приходится настаивать, и даже тогда она получает самые маленькие порции, она была в этом уверена.

И этот Арман, худший игрок в бридж, которого она когда-либо видела. Почему ее поставили в пару с ним? Персонал обожал его и его жену, вероятно, потому что они были французами. Это было несправедливо. Они остановились в чулане для метел в задней части Мануара, в самой дешевой комнате. Почти наверняка лавочник и его жена-уборщица. Не думаю, что было бы правильно делить с ними Мануар. Тем не менее, она была вежлива. Они не могли просить большего.

Сандра была голодна. И злилась. И устала. А завтра приедет Спот, и все станет еще хуже.

Находясь в их великолепной комнате, Томас смотрел на напряженную спину жены.

Он женился на красивой женщине, и до сих пор, с расстояния и со спины, она была прекрасна.

Но почему-то в последнее время ее голова как будто увеличилась, а все остальное уменьшилось, так что у него создалось впечатление, что он сейчас прикреплен к плавучему средству, сдувшемуся. Оранжевый, мягкий, хлюпающий и больше не выполняющий свою работу.

Быстро, пока Сандра стояла спиной, он снял старые запонки, которые отец подарил ему на восемнадцатилетие.

"Мой собственный отец подарил мне их, и теперь пришло время передать их тебе", - сказал отец. Томас взял запонки и потертый бархатный мешочек, в котором они лежали, и сунул их в карман, надеясь, что это ранит его отца. И он мог сказать, что так оно и было. Его отец больше никогда ничего ему не давал. Ничего.

Он быстро содрал с себя старый пиджак и рубашку, радуясь, что никто не заметил легкого износа манжет. Теперь Сандра входила в дверь. Он небрежно бросил рубашку и пиджак на стоящий рядом стул.

Мне не понравилось, что ты противоречишь мне из-за бриджа, - сказала она.

'Я?'

Конечно, понравилось. В присутствии вашей семьи и той пары, владельца магазина и его жены-уборщицы".

'Это ее мать убирала дома', - поправил ее Томас.

Вот, видите. Ты не можешь просто позволить мне сказать что-то, не поправляя меня?

'Ты хочешь ошибаться?'

Это был путь, проторенный через весь их брак.

Хорошо, что я сказал?" - спросил он наконец.

Ты прекрасно знаешь, что ты сказала. Ты сказала, что груши лучше всего сочетаются с растопленным шоколадом".

И это все? Груши?

Он сказал это глупо, но Сандра знала, что это не так. Она знала, что это важно. Жизненно важно.

Да, груши. Я сказала клубника, а ты сказал груши".

Это действительно начинало казаться ей банальным. Это было нехорошо.

Но это то, что я думаю, - сказал он.

Да ладно, ты же не можешь сказать, что у тебя есть свое мнение".

Все эти разговоры о теплом шоколаде, стекающем со свежей клубники или даже груши, заставили ее рот, наполненный коллагеном, зашипеть. Она огляделась в поисках маленьких шоколадных конфет, которые в отелях кладут на подушки. Ее сторона кровати, его сторона, подушки, ночной столик. Она побежала в ванную. Ничего. Уставившись на раковину, она задумалась, сколько калорий содержится в зубной пасте.

Ничего. Нечего есть. Она посмотрела на свои кутикулы, но приберегла их на крайний случай. Вернувшись в комнату, она посмотрела на его потрепанные манжеты и удивилась, как они потрепались. Конечно, не от постоянного прикосновения.

Ты унизил меня на глазах у всех, - сказала она, переводя голод поесть в голод причинить боль. Он не обернулся. Она знала, что должна оставить все как есть, но было слишком поздно. Она пережевала оскорбление, разорвала его на части и проглотила. Теперь оскорбление было частью ее самой.

Почему ты всегда так делаешь? И из-за груши? Почему ты не можешь хоть раз согласиться со мной?

Она ела веточки, ягоды и чертовы травы в течение двух месяцев и похудела на пятнадцать килограммов только по одной причине. Чтобы его семья говорила, какая она красивая и стройная, и тогда, может быть, Томас заметит. Может быть, он поверит в это. Может быть, он прикоснется к ней. Просто прикоснется. Даже не заниматься любовью. Просто прикоснется к ней.

Она изголодалась по этому. Ирен Финни посмотрела в зеркало и подняла руку. Она приблизила намыленную тряпку, затем остановилась.

Спот будет там завтра. И тогда они будут все вместе. Четверо детей, четыре уголка ее мира.

Ирен Финни, как и многие очень пожилые люди, знала, что мир действительно плоский. У него есть начало и конец. И она подошла к краю.

Оставалось сделать еще одно дело. Завтра.

Ирен Финни уставилась на свое отражение. Она подняла тряпку и стала вытираться. В соседней комнате Берт Финни сжимал простыни, слушая придушенные рыдания жены, когда она убирала лицо.

Арман Гамаш проснулся от того, что молодое солнце пробивалось сквозь задернутые шторы, задевая их скомканное постельное белье и его вспотевшее тело. Простыни были сбиты в мокрый клубок на самом краю кровати. Рядом с ним проснулась Рейн-Мари.

'Который час?' - спросила она сонно.

'Шесть тридцать.'

Утром? Она приподнялась на локте. Он кивнул и улыбнулся. 'И уже так жарко?' Он снова кивнул. 'It's going to be a killer.'

'Это то, что Пьер сказал вчера вечером. Heat wave.

'Я наконец-то поняла, почему они называют это волной', - сказала Рейн-Мари, проводя линию по его мокрой руке. "Мне нужен душ".

У меня есть идея получше.

Через несколько минут они были на причале, скинув сандалии и разложив полотенца, как гнезда, на теплой деревянной поверхности. Гамаш и Рейн-Мари смотрели на этот мир двух солнц, двух небес, гор и лесов. Озеро было не стеклянным, а зеркальным. Птица, пролетавшая по чистому небу, появилась и на спокойной воде. Это был настолько совершенный мир, что он

раскололся на две части. В саду жужжали колибри, а бабочки-монархи порхали с цветка на цветок. Несколько стрекоз щелкали вокруг причала. Рейн-Мари и Гамаш были единственными людьми в этом мире.

"Ты первый", - сказала Рейн-Мари. Она любила наблюдать за этим. Как и их дети, когда они были младше. Он улыбнулся, согнул колени и оторвал свое тело от твердого причала и поднялся в воздух. На мгновение он завис в воздухе, раскинув руки, словно рассчитывая достичь дальнего берега. Это было больше похоже на запуск, чем на погружение. И тут, конечно, произошло неизбежное, ведь Арман Гамаш не умел летать. С огромным всплеском он упал в воду. В первое мгновение дыхание перехватило, но когда он всплыл, то был свеж и бодр.

Рейн-Мари смотрела, как он вскидывает голову, чтобы избавить свои призрачные волосы от воды озера, как он сделал это в первый раз, когда они приехали сюда. И много лет после этого, пока не отпала необходимость. Но он все еще делал это, а она все еще смотрела, и все еще это останавливало ее сердце.

"Заходи", - позвал он и наблюдал, как она ныряет, грациозно, хотя ее ноги всегда разъезжались, и она так и не освоила точку опоры, поэтому всегда появлялся плавник с пузырьками, когда ее ноги шлепали по воде. Он ждал, когда она вынырнет, повернувшись лицом к солнцу, с блестящими волосами.

"Был ли всплеск?" - спросила она, ступая по воде, когда волны устремились к берегу. 'Как нож ты вошел. Я даже не знала, что ты нырял".

"Ну вот, пора завтракать", - сказала Рейн-Мари десять минут спустя, когда они поднялись по трапу на причал.

Гамаш протянул ей нагретое солнцем полотенце. Что вы будете?

Они шли обратно, описывая друг другу невозможные количества еды, которые они съедят. В Мануаре он остановился и отвел ее в сторону.

"Я хочу тебе кое-что показать".

Она улыбнулась. 'Я уже видела это.'

'Не это', - усмехнулся он и остановился. Они больше не были одни. Там, в стороне от Мануара, кто-то, сгорбившись, копал землю. Движение прекратилось, и фигура медленно повернулась к ним лицом.

Это была молодая женщина, вся в грязи.

'О, привет.' Она выглядела более изумленной, чем они. Она была так поражена, что заговорила

по-английски, а не на традиционном французском языке Мануара.

"Здравствуйте. Рейн-Мари ободряюще улыбнулась и заговорила по-английски.

Desolee", - сказала молодая женщина, размазывая грязь по своему потному лицу. Она мгновенно превратилась в грязь, так что она стала похожа на ожившую глиняную скульптуру. Я не думала, что кто-то уже встал. Это лучшее время для работы. Я один из садовников".

Она перешла на французский и говорила легко, с легким акцентом. До них донесся запах чего-то сладкого, химического и знакомого. Спрей от клопов. Их спутница была вымазана в нем. Запахи квебекского лета. Скошенная трава и средство от клопов.

Гамаш и Рейн-Мари посмотрели вниз и заметили дыры в земле. Она проследила за их взглядом.

Я пытаюсь пересадить все это, пока не стало слишком жарко". Она махнула рукой в сторону нескольких поникших растений. По какой-то причине все цветы на этой клумбе умирают".

'Что это?' Рейн-Мари больше не смотрела на дыры.

"Вот что я хотел вам показать", - сказал Гамаш.

Там, в стороне и немного скрытый лесом, стоял огромный мраморный куб. По крайней мере, теперь было у кого спросить.

"Ни малейшего понятия", - ответил садовник на его вопрос. Огромный грузовик привез его сюда пару дней назад".

"Что это? Рейн-Мари потрогала его. Это мрамор", - сказал садовник, присоединившись к ним, пока они смотрели.

"Ну вот мы и здесь, - сказала в конце концов Рейн-Мари, - в поместье Бельшасс, окруженном лесами, озерами и садами, а мы с тобой, - она взяла мужа за руку, - смотрим на единственную неестественную вещь на многие мили вокруг".

Он засмеялся. "Каковы шансы?

Они кивнули садовнику и вернулись в Мануар, чтобы переодеться к завтраку. Но Гамашу показалось интересным, что у Рейн-Мари была такая же реакция на мраморный кубик, который он ел накануне вечером. Что бы это ни было, оно было неестественным.

Терраса была в тени и еще не раскалилась, хотя к полудню камни станут похожи на угли. Рейн-Мари и Гамаш надели свои шляпы от солнца.

Эллиот принес кофе с собой и завтраки. Рейн-Мари налила кленовый сироп из Восточного Тауншипса на свой блинчик с черникой, а Гамаш нарезал яйца Бенедикт, наблюдая, как желток смешивается с соусом голландез. К этому времени терраса заполнилась финнами.

"Это не имеет значения, - услышали они позади себя женский голос, - но если бы мы могли занять красивый столик под кленовым деревом, было бы замечательно".

'Я думаю, что он уже занят, мадам', - сказал Пьер.

Правда? Ну, это неважно.

Берт Финни уже был внизу, как и Бин. Они оба читали газету. Он читал комиксы, а Бин - некрологи.

Ты выглядишь обеспокоенным, Бин, - сказал старик, опуская комиксы.

Ты заметил, что умирает больше людей, чем рождается? спросил Бин, передавая раздел Финни, который взял его и торжественно кивнул.

Это значит, что для тех из нас, кто еще здесь, есть еще кое-что". Он передал секцию обратно.

'Я не хочу больше', - сказал Бин.

'You will.' И Финни поднял карикатуры. Арман. Рейн-Мари положила мягкую руку на его руку. Она понизила голос до едва слышного шепота. Бин - мальчик или девочка?

Гамаш, который, мягко говоря, задавался тем же вопросом, посмотрел еще раз. На ребенке были очки, похожие на аптечные, и светлые волосы длиной до плеч на красивом загорелом лице.

Он покачал головой.

"Напоминает мне Флоренс", - сказал он. Я водил ее вверх и вниз по бульвару Лорье, когда они приезжали в прошлый раз, и почти все отмечали нашего красивого внука".

На ней был чепчик от солнца?

'Была.'

"И они отметили сходство?

"Да, собственно говоря, так и было". Гамаш смотрел на нее так, словно она была гением, его карие глаза расширились от восхищения.

Представьте себе, - сказала она. Но Флоренс чуть больше года. Сколько, по-вашему, лет Бину?

Трудно сказать. Девять, десять? Любой ребенок, читающий некрологи, выглядит старше".

'Некрологи стареют. Я должен помнить об этом.

'Еще варенья?' Пьер заменил их почти пустые контейнеры на свежие банки с домашним конфитюром из лесной земляники, малины и черники. Могу я вам что-нибудь предложить?" - спросил он.

У меня есть вопрос, - сказал Гамаш и наклонил свой круассан в сторону угла Мануара. Вон там глыба мрамора, Пьер. Для чего он?

'А, вы заметили.'

'Астронавты бы заметили'.

Пьер кивнул. Мадам Дюбуа ничего не сказала, когда вы регистрировались?

Рейн-Мари и Гамаш обменялись взглядами и покачали головами.

"Ну что ж. Метрдотель выглядел немного смущенным. Боюсь, вам придется спросить у нее. Это сюрприз".

'Приятный сюрприз?' - спросила Рейн-Мари.

Пьер задумался. 'Мы не совсем уверены. Но скоро узнаем".

http://tl.rulate.ru/book/89525/2862408